

Наталья ГОРЯЧЕВА

«ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ АХМАТОВОЙ»

На днях, прослушивая любимую подборку из Сергея Прокофьева, вновь наткнулась на «Пять стихотворений Ахматовой». Об этом лирическом опусе, совершенно не типичном для композитора, я когда-то делала передачу на радио «Classic». Но тогда многое ускользнуло от внимания. Повлияла нехватка времени, да и информации. Сегодня захотелось восполнить пробелы и поделиться тем, что меня заинтриговало.

Итак, в 1916 году Сергей Прокофьев пишет «Пять стихотворений Ахматовой» – совершенно уникальное произведение, шедевр, не побоюсь громкого слова. И сразу появляются вопросы: «Как так? Почему Ах-

матова?» Дело в том, что Прокофьев и Ахматова – две личности, две величины, которые сложно представить вместе. Это пара неестественная. Скорее было ожидать от Шостаковича поклона в сторону Ахматовой. Это он должен был написать вокальный цикл на ее стихи, ведь он дружил с поэтессой, извините, поправлюсь, с поэтом. Слово «поэтесса» Ахматова не любила. Она считала, что мужским и женским может и должен быть костюм, но никак не творчество, и себя называла исключительно «поэтом». В этом они были схожи с Мариной Цветаевой.

Однако речь сейчас о Шостаковиче. Если начистоту, с Ахматовой он виделся нечасто. Но то, что они чувствовали друг к другу, было похоже на некое родство. Они не нуждались в разговорах, порой просто пили чай, не проронив ни слова. Это было совершенно невероятное единение душ, которое не каждому дано испытать. Ахматова даже посвятила Шостаковичу стихотворение «Музыка»:

*В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах её края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвёл глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.*

Понятно, что подобное посвящение просто так не рождается. Поэт и композитор вместе оказались в блокадном Ленинграде. И как позже вспоминала Ахматова, именно музыка Шостаковича, его Седьмая симфония помогла ей и тысячам людей выжить. И действительно, эта симфония стала гимном блокадного города – голодного, холодного, окровавленного, но не покоренного.

Ничего подобного касаясь Прокофьева сказать нельзя. С Ахматовой у него не было близких дружеских отношений. Не сложились. За своего его принимал Маяковский. Ну еще бы! Они звучали на одной волне. Композитора даже

называли «футуристом». Новизна его мышления, экспрессивность и энергия музыкальных опусов, сочинения для фортепиано, где инструмент превращался чуть ли не в ударный, в перкуссию – по мнению критиков, всё это было признаком «футуризма». Маяковский и Прокофьев высоко друг друга ценили, и при этом композитор на слова поэта ничего не написал.

И тут, конечно, надо сказать вот о чем. Перед революцией в русской культуре сложились сразу три совершенно разноплановых направления – символизм, футуризм и акмеизм. Символисты – это, конечно же, Брюсов, Бальмонт, Блок, Белый и другие. Футуризм – Маяковский, Бурлюк, Кручёных и еще множество поэтов. А акмеизм, противостоящий символизму, провозгласил возврат к слову в его изначальном смысле. Сам этот термин придумали Николай Гумилёв и Сергей Городецкий. Они поставили во главу угла культ «вещественности», «точно вымеренных и взвешенных слов», и интересовал их не туманный, потусторонний мир, а вполне реальный, конкретно-чувственный, осязаемый. К акмеистам относили себя и Мандельштам, и Ахматова. Почему я так подробно на этом останавливаюсь? Посмотрите, какая парадоксальная получается картина. Прокофьев, которого окрестили футуристом, в те же годы экспериментов, а это 1916-й, вдруг выбирает пять стихотворений Ахматовой и пишет вокальный цикл. Причем пишет в течение четырех дней, и его музыка настолько точно попадает в русло акмеистской поэзии, что остается только поражаться. Все песни цикла сдержанные, даже тяжеловесные, в них нет привычного прокофьевского напора и при этом присутствует эмоциональность.

Стихотворения, которые композитор выбрал для своего цикла, входили в два опубликованных сборника Ахматовой – «Вечер» и «Чётки». Под текстами песен «Солнце комнату наполнило» и «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем» поэт поставила дату 1913-й. Я не просто на этом остановилась. Когда дело касается любовной лирики, читатели всегда смотрят на даты и пытаются сопоставить их с личной жизнью автора, чтобы понять, кто же адресат посвящения. С Ахматовой этот номер не проходил, да и сегодня ее биографы порой не могут прийти к общему знаменателю. Она была мастером запутывать следы и любила мистификации. К примеру, когда разговор заходил о Модильяни, отрицала роман с художником. Но ведь его ню говорят гораздо больше, чем можно выразить словами! Он рисовал Ахматову не только обнаженной, но и в духе египетских женщин. А мы знаем, искусство Египта Модильяни ценил более всего, для него оно было вершиной.

Знаете, мне всё же кажется, что однажды Ахматова проговорила. В 1965-м, за год до своей смерти, она переписала завещание. К нотариусу ездила вместе с Иосифом Бродским. Поэт ее поддерживал. Так вот, когда она вышла после всех этих изматывающих процедур, сказала ему: «Ну о каком на следстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моди и уйти!» Речь шла о работе Модильяни. Этот портрет висел у Ахматовой над кроватью. Она им очень дорожила.

Сохранилось еще одно любопытное воспоминание. Его озвучил поэт, меуарист Бенедикт Лившиц. В своей книге «Полутораглазый стрелец» он говорит о том, как Ахматова приходила в кафе «Бродячая собака», записывала новое стихотворение в гостевую книгу, и тут же все посетители кафе кидались

Сергей Прокофьев

его читать и потом гадали, кому же посвящены очередные строки. К слову, друзья, кто бывает в Питере, арт-кафе «Бродячая собака» до сих пор существует. Там проводят концерты, показывают спектакли. Можно сказать, что это средоточие театральной, литературной и музыкальной жизни города, поэтому советую посетить это место. Получите массу впечатлений.

Петербург, конечно же, город Ахматовой. Недаром Марина Цветаева в 1912-м написала: «Соревнования короста / В нас не осилила родства. / И поделили мы так просто: / Твой – Петербург, моя – Москва».

Наверняка все любители поэзии знают о существовании спора, кого считать первой женщиной-поэтом – Ахматову или Цветаеву. Их всегда противопоставляли друг другу. Это вполне нормальная и естественная реакция – две женщины жили в одно время. Но ведь писали они совершенно по-разному. То же самое можно сказать и о композиторах той эпохи – о Шостаковиче, Стравинском, Прокофьеве. У них ничего общего. Каждый из них глыба, и при этом они – необычайно разные...

Третий романс из цикла Прокофьева «Память о солнце». Если есть возможность, найдите этот романс в интернете, послушайте и обратите внимание, насколько музыка соответствует тексту. Мелодия выразительная, а вот аккомпанемент скупой, сдержанный, никаких договариваний, упаси Боже, украшения. Он не отвлекает от смысла и совершенно явно передает настроение.

Когда я впервые услышала этот вокальный цикл, меня охватило какое-то совершенно маниакальное желание всё же найти нечто общее между Прокофьевым и Ахматовой. На глаза попались строки из автобиографии поэта. Она пишет: «Я родилась в один год с Чарли Чаплином и “Крейцеровой сонатой” Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889-й. В ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя “Иванова ночь” – 23 июня». Любопытно, не правда ли?

А вот что Прокофьев написал о себе в автобиографии: «Я родился в 1891 году. Четыре года назад умер Бородин, пять – Лист, восемь – Вагнер, десять – Мусоргский. Чайковскому осталось два с половиной года жизни; Римский-Корсаков недавно сочинил “Шехеразаду”, Дебюсси было двадцать девять, Рахманинову – восемнадцать... Стравинскому – девять, Хиндемит не родился совсем. В России царствовал Александр III, Ленину был двадцать один год, Сталину – одиннадцать».

И Ахматова, и Прокофьев встраивают личную судьбу в контекст эпохи. Им это было свойственно.

Еще одна вещь, которая меня сразу привлекла, это выбор стихотворения «Память о солнце».

*Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.*

*Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.*

*В узких каналах уже не струится –
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, –
О, никогда!*

*Память о солнце в сердце слабеет,
Что это? – тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.*

А теперь вспомните знаменитую «Деревянную книгу» Прокофьева. Кто не в курсе, расскажу. Дело в том, что композитор однажды решил собирать автографы великих и, как он выразился, интересных людей. Но, если бы это были просто росписи знаменитостей с пожеланиями, то вряд ли книга была

бы интересной. И Прокофьев решил, что лучше придумать какой-нибудь вопрос, который будет задавать каждому. Но вот какой вопрос? Решение пришло не сразу. Зато потом наверняка сбивало с толку – «Что вы думаете о солнце?» Именно этот вопрос композитор задавал своим современникам. Мне почему-то кажется, без ахматовского стихотворения не обошлось.

К слову, книга получилась довольно оригинальной. Изготовили ее в 1916-м из двух простых дощечек, скрепленных гвоздями, с кожаным корешком, латунной застежкой и прекрасной французской бумагой внутри. Правда, Прокофьеву она не особо понравилась, уж слишком элегантно получилась, и он назвал ее «мужиком в шелковых чулках».

Еще два стихотворения, вошедшие в цикл композитора, это «Здравствуй!» и «Сероглазый король». Десятилетие спустя после выхода в свет сборников «Вечер» и «Чётки» Анна Ахматова назовет эти произведения «бедными стихами пустейшей девочки» и даже будет возмущаться тому факту, что они многократно переиздаются и любимы. В особенности ее злила популярность «Сероглазого короля». Ахматова не любила своих ранних стихов. А ведь она не права. Сегодня ее поэзия, как мне кажется, очень актуальна. Особенно ранняя. Эти ее акмеистские стихи про женскую судьбу, про влюбленности. Критик Николай Недоброво, чьи отзывы, кстати, Ахматовой нравились, сказал о ней: «Холодком лунного света и нежной, мягкой женственностью веет от ее стихов. В них нет солнечности, нет яркости, но они странно влекут к себе, манят какой-то непонятной недоговоренностью и тревогой».

Вернемся к Прокофьеву. Странное дело, музыка этого молодого композитора, полная энергии, света, сарказма, в «Пяти стихотворениях» вдруг приобрела какие-то лирические черты, а в «Сероглазом короле» даже трагический оттенок. Сам он об этом высказался лучше любого критика, отметив лиризм как четвертую линию своего творчества. «Правда, – написал он, – линия эта оставалась незамеченной, или же ее замечали задним числом».

После цикла на стихи Ахматовой Прокофьев надолго расстанется с камерной вокальной музыкой...

